

«Еще звенит в гитаре каждая струна...»

Московский театр эстрады и Московская ассоциация блокадного Ленинграда провели вечер, посвященный 50-летию снятия блокады Ленинграда. В программе «Военное ретро» приняли участие артисты, пережившие вместе с городом эти тяжелые дни. Среди них и заслуженная артистка России Тамара Васильевна Кравцова. «Талантливая, красивая, обаятельная, эмоциональная и страстная в каждом слове, движении, жесте», - так писали об актрисе критики в 50-60-е годы, когда она была признанной звездой эстрады обеих столиц - Москвы и Ленинграда.

Тамара Кравцова... Знатно эстрады помнят ее в программах Э. Рознера, А. Райкина, А. Блехмана. Для нее писал Осип Брик... Она многие годы дружила с К. Шульженко, Риной Зеленой, М. Бернесом. Вместе с Галиной Вишневской училась пению у Веры Николаевны Гариной.

Она - первая и единственная актриса, записавшая на пластинку знаменитую «Осен» опального в те годы Вадима Козина:

**Не уходи. Еще не спето столько песен,
Еще звучит в гитаре каждая струна.**

А какие замечательные песни она тогда пела: «Не грусти!», «Я тоскую без тебя», «Тишина», «Манит тень акаций» и т.д. Они вошли в историю эстрады как ее песни. Когда сегодня она исполняет их с эстрады, в зале восторженно замирают сердца людей разных возрастов: у одних от сладких воспоминаний, у других от предвкушения грядущего счастья.

Поистине Тамара Кравцова - артистка на все времена...

- Тамара Васильевна! В эти дни у вас было много концертов, встреч... Свидетелей тех дней становится все меньше и меньше. Иногда кажется, что острота и боль тех переживаний нынче притупилась. Как вы считаете? Что вспоминалось в эти дни?

- Годы два назад, гуляя по Арбату, я заметила среди ярко раскрашенных матрешек боевые ордена и медали. Это был товар. Бесстрастные лица молодых торговцев, их тусклые голоса, называющие цену, равнодушные руки, перебирающие медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За оборону Москвы», -

это было похоже на страшный сон... Быть может, бутафория? Но нет, на «Красной Звезде» стоял номер. «Господи, - подумала я, - как же должна была жизнь наша сломать солдата, чтобы, отвинтив от праздничного пиджака свой боевой орден, он продал его отечественному чуваку, а тот старается «загнать» его в качестве сувенира чуваку зарубежному». Я тогда много думала об этом. И вспомнилось, как мне самой в мэрии Москвы вручали почетный знак «Житель блокадного Ленинграда», по статусу приравненный к знаку «Участник Великой Отечественной войны». Как самую большую драгоценность приняла я тогда в свои ладони скромную, неброскую медаль - свидетельство подвига моих земляков. И, конечно, вспомнила Арбат... и совсем потеряла покой: да разве может быть этой награде иная цена, чем жизнь?

В июне 1941 года я заканчивала третий курс Ленинградского театрального института. Сохранилась непонятно как зачетка, где значится, что именно 22 июня я сдала экзамен по истории театра. Это моя последняя оценка.

После экзаменов мы с Виктором Сорокиным - моим одноклассником пошли в кино. Настроение было отличное: мы ели вишни из бумажного кулечка, целовались и мечтали о путешествии...

- А какой фильм вы смотрели, помните?

- Конечно. «Праздник Святого Иоргена» с нашими кумирами в главных ролях Анатолием Кторовым и Игорем Ильинским. Когда мы с Виктором вышли из кино, на дворе уже была война.

- Часто вспоминали те тревожные дни, им дают оценку с позиций пережитого... Вы с ребятами сразу поняли, что война - это страшно, что это смерть?

- Да ничего мы тогда не поняли. Конечно, в стороне мы не стояли. Наоборот, мы сверхаивно включились во все происходящее, но только трагизма всего происходящего мы тогда не понимали.

Вот например: нам выдали огромные резиновые перчатки и жуткие железные клещи и послали на крышу. Мы должны были ловить «зажигалки». Влезли мы на крышу: кругом бомбежка, самолеты, крик, а мы, знай, охотимся за «зажигалками». «Моя!

Моя!» - кричим и чуть ли не в драку за каждую. Как будто это не смерть с неба к нам бросают, а в игру с нами играют. Я помню, все кричала: «Сама! Сама!» - так меня потом Саматином ребята и прозвали.

Первое время жизнь как бы

и только тронулись... навстречу мотоциклисты и кричат: «Уезжайте, ребята, Луга уже занята».

Повернули мы назад, в Ленинград... ехали и плакали. А скоро фронт подошел совсем близко, и мы стали ходить на передовую пешком. У нас с Вик-

катилась по прежним рельсам. Мы с Виктором поженились, даже свадьбу студенческую сыграли.

Часть наших ребят ушла на фронт, а мы, оставшиеся, организовали концертную бригаду и часто выступали и в госпиталях, и в автобатах, и на кораблях Балтийского флота...

- И на передовой?

- Ну, передовая - тогда было понятие относительное. Линия фронта приближалась к городу с чудовишной быстротой. Однажды мы ехали в Лугу, и вдруг немецкие самолеты прямо над головой. А нам тогда по молодости все казалось, что ничего с нами случиться не может: с кем угодно, только не с нами, и вдруг как жажнуло! Меня из грузовика взрывной волной как пушину смело. Самолеты улетели, а мы, потрясенные и изрядно «помятые», погрузились опять в кузов

умудрялась навещать своих... Радости от этих встреч было мало. Отец первый умер от голода. Они оба с мамой покоятся на Пискаревском... рядом с другими ленинградцами.

Однажды я не смогла подняться... 26 февраля 1942 года с последним эшеленом меня вместе с другими дистрофиками нашего театрального института отправили в Кострому.

- Это, наверное, было очень страшно?

- Я думала жизнь кончена. Все. Больше ничего не будет. Мы все были такими уродами: ножи-ручки как палочки, животы вздуты, глаза запали, губы потрескались. У одного мальчика в бровях завелись вши. Он от голода уже ничего не соображал: уже в вагоне он украл у кого-то кусок сала и проглотил его. Потом ему было очень плохо. Его рвало, у него открылся понос... Он даже кричать не мог, только жутко хрипел, лежа в второй полке... У нас даже сил не было его снять оттуда. Потом он умер. И это тоже была война.

- Слава Богу, вы выжили. У вас интересно сложилась творческая судьба. Ведь вы на эстраде уже о-ой-ой сколько... Больше полувека! Сейчас вы по-прежнему много работаете. Я часто слышу ваш голос по радио, вижу вас на телеэкране. Вы - участница всех больших концертных программ и на сцене зала «Россия», и в Театре эстрады. Ваш голос звучит, как и прежде: в той тональности, с тем эмоциональным накалом... Вы всегда в отличной форме. Тамара Васильевна, как вам это удается?

- Вы очень добры ко мне. Конечно, годы свое берут. Но голос действительно не подвел. Я пою в основном песни моего старого репертуара, романсы... Хотя сейчас думаю и о новых вещах. В частности, мне очень нравится «Русский вальс» А. Пахмутовой. Хочу его петь. Я всегда в работе, в движении - это помогает сохранить форму и еще... я никогда и никому не завидовала... все проблемы старалась урегулировать мирным путем. Думаю, что это положительно сказывается на облике человека. Только не надо думать, что у меня никогда и ничего не болит...

Артисты - особенные люди. Вот я вспоминаю К.И. Шульженко. Я познакомилась с ней в Ленинграде в 1941 году. Она репетировала в том Доме офицеров, где была наша база, а ее Гоша, в то время крошечный мальчик, спал там на ро-яле.

Мы с Клавдией Ивановной сохранили нашу дружбу на долгие годы. Я преклоняюсь перед ней и по сей день - это великая артистка эстрады. В последние годы она болела и с трудом выбиралась на концерты. Вот вылезем мы из машины, идем еле-еле: «Ой, Тамка, не могу! Ой, сил больше нет!» А на сцену выйдет - Королева. Так оно и должно быть - мы же лицедейки!

- Эстрадные певицы вашего поколения - люди особенные. Сейчас часто в одной программе на эстраду выходят Нина Дорда, Гелена Великанова, Мария Лукач, Капитолина Лазаренко, Тамара Миансарова... не имена, а просто музыка для поклонников эстрады! Все вы такие голосистые, красиво причисанные, особенные, и в таких элегантных туалетах. А как вы относитесь к молодым исполнителям?

- Хорошо отношусь. Но не все и не всех принимаю. Мне часто не понятна эстетика их проживания на эстраде: крикливые песни с маловыразительным текстом... Эти громкие страдания меня не убеждают... и потом - я так и не понимаю: ну почему им не хочется быть красиво одетыми на эстраде?

У меня на сегодняшней эстраде есть свои привязанности: Вячеслав Добрынин, Александр Серов, группа «ЛЮБЭ». В их песнях интимная лирика в союзе с гражданской патетикой. Я понимаю и принимаю их песни. Мне симпатичен мужественный облик этих исполнителей. Я люблю молодых на эстраде: желаю им успеха, и пусть в их жизни будут только конкурсные баталии и творческие победы.

- Спасибо, Тамара Васильевна, дай вам Бог здоровья!

Галина ЗАМКОВЕЦ.

Фото из архива
Т. КРАВЦОВОЙ.
Т. КРАВЦОВА И А. БЛЕХМАН,
1959 г.

27.1.94

Кравцова Тамара